

ИНСТИТУТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

СИНИЦЫН СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ

**ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ ОБ АБСОЛЮТНЫХ И ОТНОСИТЕЛЬНЫХ
СУБЪЕКТИВНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВАХ**

Специальность 12.00.03 – гражданское право;
предпринимательское право; семейное право;
международное частное право.

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном научно-исследовательском учреждении «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»

Научный консультант: **Суханов Евгений Алексеевич** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», заслуженный деятель науки Российской Федерации

Официальные оппоненты: **Безбах Виталий Васильевич** – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов», заслуженный юрист Российской Федерации

Гаджиев Гадис Абдуллаевич – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации

Комаров Александр Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного частного права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации», заслуженный юрист Российской Федерации

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук (ИГП РАН)

Защита диссертации состоится 19 февраля 2018 г. в 11:00 на заседании диссертационного совета Д503.001.01 при Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации по адресу: 117218, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.

Автореферат разослан «__»_____ 2017 г.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации – www.izak.ru.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат юридических наук

А.И. Щукин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования. Восстановление основ частноправового регулирования в системе российского права и законодательства является длительным многоэтапным процессом последовательной законотворческой работы, которая во многом базируется как на инструментарии цивилистической науки, выполняющей функции анализа, обоснования, моделирования, прогнозирования, так и на складывающихся подходах правоприменительной практики, показывающих востребованность, корректность и своевременность конкретных законодательных инициатив. Вместе с тем в современных условиях развития государства и права обособленное развитие национальной правовой системы в изоляции от международного и зарубежного опыта правового регулирования оказывается невозможным.

Современное российское гражданское законодательство отражает естественные сложности переходного этапа развития системы права в условиях развития рыночных отношений и усложнения их правовой регламентации, ориентированной, в том числе, и на сближение с европейскими подходами, что является необходимым условием правовой интеграции. В Указе Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» прямо указывается, что целью текущей реформы гражданского законодательства является сближение положений ГК РФ с правом Европейского союза, использование новейшего положительного опыта модернизации гражданских кодексов ряда европейских стран. Определение методологии использования зарубежного опыта и пределов его заимствования для эффективного развития отечественного частного права с сохранением национальных традиций - актуальная и долгосрочная задача текущих правовых реформ.

Реформирование системы российского гражданского законодательства, к сожалению, сопряжено с просчетами и недостатками. Отдельные спонтанные, бессистемные изменения ГК РФ, попытки излишней детализации гражданско-

правового регулирования непосредственно в Кодексе, лишаящие текущую работу по совершенствованию гражданского законодательства необходимых качеств последовательности, стабильности и системности в условиях рассогласованности и отсутствия внутреннего единства источников гражданского законодательства, очевидной пробельности и законодательной неопределенности правовой регламентации норм и институтов важнейших подотраслей современного гражданского права (вещное, корпоративное, обязательственное, интеллектуальное), связываются не только с отсутствием тщательной предварительной научно-теоретической проработки своевременности и последствий отдельных законодательных инициатив, но и с явным недостатком в современных российских цивилистических исследованиях (с учетом меняющихся условий имущественного оборота и проверенного правоприменительной практикой зарубежного опыта осмысления этих закономерностей) моделирования системы и основополагающих элементов гражданско-правового регулирования: правоотношение, субъективные права, их система и критерии классификации.

Невозможно утверждать, что изучение специфики абсолютных и относительных субъективных прав исчерпано наукой гражданского права зарубежных государств. И здесь, с одной стороны, трудно найти академический курс гражданского права, в котором не приводилось бы классификации субъективных прав на абсолютные и относительные, с другой - нельзя не отметить отсутствие комплексных монографических исследований по этой проблеме. Учеными лишь вскользь подчеркивается неясность значения абсолютности и относительности в классификации субъективных гражданских прав как в современности, так и в ретроспективе, в том числе различное употребление и комбинации понятийных пар абсолютное/относительное, вещное/обязательственное¹. Данное обстоятельство само по себе свидетельствует о своевременности и целесообразности комплексного транснационального

---

¹ Historisch-kritischer Kommentar zum BGB. Herausg. M. Schmoeckel, J. Rückert, R. Zimmermann. Tübingen, 2007. Bd. II. Schuldrecht: Allgemeiner Teil. S. 47.

научно-теоретического исследования вопросов понятия, системы и структуры субъективных прав как важного объекта правового регулирования.

Глобализация мировой экономики, трансграничное развитие бизнес-структур, непрерывный обмен опытом и тесное научное сотрудничество европейских цивилистических школ сформулировали новые цели и задачи перед сравнительным правоведением, которые не исчерпываются техническим сопоставлением норм в национальных законодательствах отдельных государств, а состоят в выявлении повторяющихся и индивидуальных закономерностей развития правовых институтов в русле общей тенденции сближения подходов к правопониманию в правовых системах современности, что влечет за собой смену парадигм в науке частного права. В этих условиях сравнительное правоведение становится весомой опорой и инструментом совершенствования национального законодательства.

Таким образом, актуальность избранной темы и целесообразность ее раскрытия при помощи методологии сравнительно-правовых исследований, определяется рядом факторов, взятых в совокупности.

Во-первых, субъективные права исторически и по существу являются базовым, если не главным, элементом гражданско-правового регулирования и системы частного права в целом. Поэтому всестороннее изучение их понятия, системы и структуры является необходимым условием и предпосылкой развития национального законодательства, адекватного отражения в нем развивающихся имущественных взаимоотношений субъектов права. В настоящее время в российской науке гражданского права отсутствует развитое и завершенное в смысловом единстве учение о субъективных гражданских правах, соответствующее запросам и потребностям развивающихся социально-экономических отношений, научно обоснованным критериям их классификации. Именно этим обстоятельством объясняются частые (во многом схоластичные и демагогичные) дискуссии и сомнения российских авторов о необходимости и целесообразности выделения системы вещных прав, восприятие дихотомии абсолютных и относительных прав как теоретического нагромождения, споры о

самостоятельности и «смешанной» природе корпоративных и интеллектуальных прав. В конечном счете именно с этими обстоятельствами следует связать и нормативно предусмотренную возможность применения к корпоративным правам общих положений об обязательствах (ст. 307.1 ГК РФ), а к интеллектуальным правам - положений о вещном праве (ст. 1227 ГК РФ), что провоцирует вопросы об их видовой самостоятельности и целостности в системе частного права.

Коренные текущие преобразования в российском гражданском праве предполагают достижение ясности в вопросах систематизации субъективных гражданских прав по тем или иным критериям, что может быть обеспечено тематическими комплексными научно-теоретическими исследованиями. Одним из ключевых вопросов, подлежащих в связи с этим скорейшему разрешению, является научно-теоретическая обоснованность классификации субъективных прав по признакам рода и вида не только в науке, но и в системе гражданского законодательства, что представляет собой необходимое условие и этап дальнейшего совершенствования гражданского законодательства.

Во-вторых, предусмотренная национальным законодательством специфика защиты отдельных групп субъективных прав (различаемых по субъектам легитимации, предмету исковых требований и по последствиям их удовлетворения) предопределена содержательными особенностями защищаемого права, а потому ее выявление наукой и отражение в законодательстве необходимо для создания условий обеспечения всемерной охраны гражданских прав, профилактики правонарушений.

В-третьих, гармонизация и унификация европейского частного права требует однообразного понимания смысла и значения используемого в законодательстве и правоприменительной практике понятийного аппарата и институтов частного права, чем обусловлена тенденция сближения и взаимообогащения доктрины частного права в гражданском праве государств континентальной Европы. На данный момент в теории российского и зарубежного континентально-европейского гражданского права отсутствует единая целостная теория абсолютных и относительных субъективных

гражданских прав. Уместно говорить лишь о проработке отдельных аспектов данной темы учеными-цивилистами, о фрагментарном уточнении и дополнении правоприменительной практикой сложившихся в науке подходов к интерпретации и пониманию субъективных прав (преимущественно в случаях рассмотрения споров об их защите).

В целях выявления единства картины правопонимания в европейском частном праве и формулировки общего учения об абсолютных и относительных правах целесообразно не только исследование специфики абсолютных и относительных прав в свете изменения российского законодательства – требуется и анализ в этом аспекте богатого зарубежного опыта в сочетании с взвешенно-критическим решением вопроса о возможности и необходимости, пределах и эффективности использования последнего в отечественном праве.

Предмет, объект, эмпирическая основа диссертационного исследования. Объект исследования составляют гражданские правоотношения и субъективные гражданские права. Предмет диссертационного исследования включает в себя теоретические вопросы, касающиеся проблем понятия, признаков и системы абсолютных и относительных субъективных прав в законодательстве, правоприменительной практике и доктрине правопорядков континентальной Европы.

Работа основывается на анализе действующего российского и зарубежного гражданского законодательства и практики его применения, изучении и развитии существующих научно-теоретических концепций субъективных прав и оснований их классификации в российском и зарубежном гражданском праве.

Цель диссертационного исследования. Цель диссертационного исследования состоит в формулировке авторской концепции понимания содержательных признаков абсолютных и относительных субъективных прав, в исследовании общего и индивидуального в процессе становления видов субъективных прав в системе частного права государств континентальной Европы, в рассмотрении отличительно-содержательных характеристик

субъективных прав, классифицируемых по критериям абсолютности и относительности.

Задачи диссертационного исследования. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

1) проанализировать господствующие общетеоретические представления о понятии, видах и системе субъективных гражданских прав в аспекте их абсолютности и относительности в доктрине европейского частного права;

2) предложить и обосновать критерии классификации субъективных гражданских прав по родовым и видовым признакам в системе права;

3) выявить критерии и принципы принятой и должной классификации субъективных гражданских прав и гражданских правоотношений на абсолютные и относительные в системе права;

4) применительно к цели диссертационного исследования рассмотреть взаимосвязь сущностного содержания субъективного права и объема его правовой защиты. Оценить возможность и правовые последствия абсолютной защиты относительных прав;

5) изучить юридическую природу всеобщей негативной юридической обязанности и оценить обоснованность ее рассмотрения как идентификационного признака абсолютного права;

6) исследовать комплекс вопросов о соотношении абсолютных и вещных, интеллектуальных, личных неимущественных прав в аспекте их абсолютности/относительности;

7) на примере обязательственных и корпоративных прав определить сущность и характерные черты относительных субъективных гражданских прав;

8) оценить допустимость теоретического моделирования субъективных гражданских прав смешанной юридической природы (квазиабсолютные, вещно-обязательственные, абсолютно-относительные);

9) предложить и обосновать авторскую концепцию понимания и критериев классификации абсолютных и относительных прав;

10) сформулировать авторский общетеоретический подход к пониманию гражданского правоотношения и субъективных гражданских прав, разграничению субъективного гражданского права и отдельного правомочия.

Теоретическая основа и степень разработанности темы. Следует констатировать отсутствие комплексных научно-теоретических разработок проблематики абсолютных и относительных субъективных прав не только в российской, но и в зарубежной юридической науке, что является фактором, замедляющим своевременное научное обеспечение и сопровождение законотворческого процесса.

Наиболее детальной доктринальной разработке институт абсолютных и относительных субъективных гражданских прав подвергся в зарубежном континентальном гражданском праве.

В немецкой правовой мысли тематика критериев классификации субъективных прав получила развитие благодаря фундаментальным исследованиям Г. Хуфеланда (G. Hufeland), Д. Чесне (дю Шене) (D. Chesne), Е. Зингера (E. Singer), Р. Дубишара (R. Dubischar), содержательным выдержкам из работ Е. Бухера (E. Bucher), Х. Вильгельма (H. Wilhelm), П. Эртмана (P. Oertmann), Р. Иеринга (R. Jhering), Г. Штауба (H. Staub), Г. Дернера (H. Doerner) и др. В юридической науке Швейцарии следует отметить работы Р.Х. Вебера (R.H. Weber), В. Портмана (W. Portmann), занимающихся проблемой научного содержания и целостности пограничных форм абсолютных и относительных субъективных прав. Важный вклад в развитие научных исследований в рамках данной проблематики внесен французскими правоведом – М. Планиолем (M. Planiol), В. Дроссом (W. Dross), Ф. Малэри (P. Malaurie) и др. Особенно значимы труды голландских ученых-юристов - Е.М. Майерса (E.M. Meijers), В. Снайдерса (W. Snijders), Т.Ф. Йона (Th.F. Jong), Е. Ханк-Береншота (E. Rank-Berenschot), Т.Х.Д. Струэкена (T.H.D. Struysken). В восточноевропейских правовых порядках необходимо выделить несколько не потерявшие значимости монографию венгерского ученого Л. Тота (L. Tóth), работы Ш. Лубы (S. Lyby) и Я. Лазара (J.

Lazar), статьи и главы в учебниках по гражданскому праву чешских юристов В. Кнаппа (V. Knapp), К. Чапека (K. Šapek), Й. Слунечковой (J. Slunéčova) и др.

В российской юридической науке проблематика субъективных прав развивалась непоследовательно и отчасти стихийно. В дореволюционный период вопросы о содержании и классификации субъективных прав, получив фрагментарное отражение в трудах цивилистов и теоретиков права (преимущественно в учебных курсах гражданского права), были разработаны в меньшей степени. Это объясняется индивидуально-исторической спецификой развития науки гражданского права в России, которая проявилась в скудости глубоких научно-теоретических разработок общих проблем гражданского правоотношения, общего понятия и отдельных видов субъективных прав². Вместе с тем научно-теоретические основы, позволившие в последующем развить учение об абсолютных и относительных правах, были заложены именно дореволюционной школой российских цивилистов, к числу которых следует отнести Е.В. Васьковского, Ю.С. Гамбарова, Д.Д. Гримма, К.Д. Кавелина, К.П. Победоносцева, В.И. Синайского, Г.Ф. Шершеневича и др.

Крупнейшие научно-теоретические разработки, необходимые для последующего создания общего учения об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах, приходятся именно на советский период развития российского гражданского права, который в рассматриваемом аспекте наиболее ярко демонстрирует тесную продуктивную взаимосвязь научных трудов теоретиков права (Александрова Н.Г., Кечекьяна С.Ф., Матузова Н.И., Мицкевича А.В., Явича Л.С. и др.) и цивилистов - М.М. Агаркова, С.И. Аскназия, С.Н. Братуся, М.И. Брагинского, А.В. Венедиктова, В.К. Райхера, Д.М. Генкина, Е.А. Флейшиц, О.С. Иоффе, В.А. Дозорцева, А.Г. Певзнера, Р.О. Халфиной, Ю.К. Толстого и др. Впрочем лишь немногие (точнее единичные) из них, в частности исследования В.К. Райхера, Д.М. Генкина, Е.А. Флейшиц, посвящены специальному исследованию абсолютных и относительных прав - остальные лишь фрагментарному рассмотрению отдельных вопросов, связанных с

---

² См.: Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. М., 2003. С. 89, 154, 159, 167-169, 171, 240.

проявлениями абсолютности и относительности субъективных прав в том или ином аспекте и условиях их развития.

Нельзя не отметить, что цивилистика советского периода испытывала на себе сложности отрицания частноправовых начал в регулировании гражданских правоотношений и развивалась как своего рода самобытная правовая культура, основанная на иных принципах регулирования, позиционируемая в противовес буржуазному гражданскому праву, историография которой начинается после октябрьской революции практически без учета достижений дореволюционной и зарубежной цивилистической науки. Как следствие из советского гражданского права и оборота исчезли основополагающие юридические институты: вещные права, исключительные права, корпоративные права, недвижимость, владение. Соответственно отпала и потребность в исследовании отдельных видов субъективных прав (вещных, исключительных, корпоративных), которым не отводилось места в рубриках общей части учения о советском гражданском праве³.

Современные вызовы диктуют необходимость восполнения сложившихся пробелов в науке частного права, требуя обобщения накопленных знаний и выработки новых теоретических подходов и решений к пониманию и классификации субъективных прав на основе богатого научного наследия российской цивилистической школы (как дореволюционного, так и советского периодов) с учетом имеющегося зарубежного опыта в условиях непрерывного развития социально-экономических отношений, усложнения имущественного оборота и необходимости его адекватного правового регулирования. Современными авторами разрабатываются общие вопросы понятия и структуры гражданского правоотношения (Л.А. Чеговадзе, В.П. Камышанский, В.А. Белов и др.), в том числе во взаимосвязи с развитием социально-экономических отношений (В.Ф. Яковлев, Г.А. Гаджиев, С.В. Третьяков, А.Г. Карапетов),

---

³ Ср.: Генкин Д.М., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В. История советского гражданского права. М., 1947. С. 28; Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР // О.С. Иоффе Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000. С. 166-167, 176; Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система) // О. А. Красавчиков. Категории науки гражданского права. Избранные труды. М., 2005. Т. 1. С. 422; Перетерский И. Советские гражданские кодексы // Советское право. 1927. № 6. С. 50.

исследуется проблематика понятия, структуры и отдельных видов субъективных гражданских прав (А.Л. Маковский, Е.А. Суханов, Д.В. Ломакин, К.И. Скловский, В.С. Ем, Л.О. Красавчикова, Л.Ю. Василевская, Л.Ю. Михеева, И.А. Емелькина, В.П. Мозолин, А.С. Комаров, В.В. Безбах, И.А. Зенин, М.Н. Малеина, В.С. Толстой, О.В. Гутников и др.). Вместе с тем в появляющихся в последнее время отдельных диссертационных работах российских авторов, посвященных рассмотрению проблематики абсолютных прав, положения, выносимые на защиту, нередко составляют давно известные взгляды, изложение и пересказ которых едва ли продвигает вперед юридическую науку⁴. Некоторые диссертанты при обосновании собственных воззрений на предмет исследования пользуются господствующими представлениями о классификации субъективных прав на абсолютные и относительные как аксиомой⁵, в то время как понятие и критерии абсолютности и относительности субъективных прав уже многие десятилетия продолжают «эксплуатироваться» в научных, учебных, методических изданиях по гражданскому праву без разработки (дополнения, пересмотра, уточнения) общего учения об абсолютных и относительных субъективных правах в форме постулатов, догм и аксиом, что вряд ли можно считать обоснованным.

Методологическая и эмпирическая основа диссертационного исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составляет совокупность общенаучных и частнонаучных приемов и методов исследования правовых и общественных явлений, в том числе конкретно-исторического, диалектического, формально-логического, метода сравнительно-правовых исследований.

Эмпирическую базу исследования составили нормы российского и зарубежного гражданского права, правоприменительная практика, комментарии, правовые доктрины и концепции, разработанные наукой частного права.

---

⁴ Ср.: Хатунцев О.А. Субъективные вещные права как разновидность абсолютных имущественных прав: проблемы теории и практики: автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 13-14.

⁵ Ср.: Сидорова О.Ю. Информация как объект абсолютных и относительных гражданских правоотношений: дис... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 66, 114.

Выбор диссертантом европейского континентального частного права в качестве основного объекта предпринятого в диссертации сравнительно-правового исследования обусловлен рядом обстоятельств.

Мировой опыт правового регулирования содержит множество вариантов нормативного и научно-теоретического моделирования содержания, признаков, критериев классификации и систематизации субъективных прав. Не обнаруживается достаточных оснований к огульному отторжению опыта правового регулирования этого вопроса в конкретных, заранее определенных правовых системах и культурах. Однако обращение исследователя, занятого изучением проблематики понятия, структуры и системы субъективных прав в частном праве, к англосаксонскому и американскому праву видится уместным для констатации объективно несопоставимых подходов правоприменительной практики и научных школ романо-германской и англо-американской правовых семей, что изначально не обеспечивает достаточных условий для комплексного «внутреннего» исследования рассматриваемой проблематики, выявления общих и особенных черт развития теории субъективных прав в конкретных правопорядках, входящих в систему частного континентального европейского права. Текущие реформы гражданского законодательства в странах романо-германской правовой семьи (Франция, Германия) имеют общую цель и направленность в адаптации действующего национального законодательства к складывающемуся опыту международно-правового регулирования, что в первую очередь сказалось на модернизации общих положений национальных кодификаций, и главным образом - разделов об обязательственном праве⁶. Сближение национальных континентально-европейских законодательств предопределено перспективой долгосрочного бизнес-сотрудничества в рамках ЕС, в связи с чем директивы ЕС задают временные и рамочные программные условия, в которых должна быть осуществлена модернизация национального законодательства конкретного европейского правопорядка. Правовые системы

---

⁶ См.: Prieto C. Regards croises sur les principes du droit europeen du contrat et le droit francais. Puam, 2003; Lorenz S., Riehm T. Lehrbuch zum neuen Schuldrecht. München, 2001.

отдельных правопорядков континентальной Европы могут выступать объектом рецепции только при условии, если инициатор заимствования детально изучил место и значимость зарубежного правового института, учел исторические предпосылки и назначение его появления в зарубежном законодательстве, проанализировал, выявил и предложил варианты предупреждения проблем правоприменительной практики, связанных с его использованием в правовой системе государства-реципиента.

На современном этапе развития процесс унификации европейского права на наднациональном уровне далеко не завершен. Европейскими юристами активно и в целом положительно обсуждаются принципы, определения и модельные правила европейского частного права, к которым подготовлен комментарий⁷. Однако и этот документ несовершенен по своему содержанию и системе, поскольку ориентирован на расширение правового регулирования отдельных, частных вопросов, которые в кодификациях европейских правопорядков решаются различно, в том числе и вследствие национальных особенностей и специфики развития последних. Он свидетельствует только о текущих процессах унификации европейского частного права, причем в отдельно избранных сферах правового регулирования. В любом случае выработка единых подходов к регулированию гражданских правоотношений на наднациональном уровне предполагает ясность в базовых юридических понятиях и институтах.

Применительно к предмету диссертационного исследования в работе показаны различные предпосылки становления и специфика континентально-европейской и англо-американской правовых традиций, несопоставимые методологические подходы, разность юридического мышления и категориального аппарата в названных правовых семьях, подчеркивается историческая привязка российского гражданского права именно к романо-германской правовой семье. В частности, установлено, что в англо-саксонском и американском праве значение и ценность категории субъективного права были доведены до общественного

---

⁷ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Articles and Comments / Chr. von Bar, E. Clive, H. Schulte-Nölke (eds.). Munich, 2009.

сознания правоприменительной практикой, а не доктриной права, что демонстрирует не научные методы доказательств и систематизации знаний, а казуистику, партикуляризм и одновременно верховенство правоприменительной практики.

Вместе с тем безосновательным видится предположение о том, что англосаксонское или американское право в отличие от континентального принципиально не знакомы со спецификой и юридическими последствиями деления субъективных прав на абсолютные и относительные⁸. Вопрос заключается лишь в степени влияния и возможности адаптации подходов школ английских и американских юристов в отечественном праве, эффективности сравнительных исследований в этой части для российского частного права, корректности сопоставления научно-практических разработок в англо-американской и романо-германской правовых семьях, которые существенно и принципиально расходятся уже на этапе формулировки исходных, базовых юридических понятий (*choses in action, intangibles и choses in possession; rights in rem и rights in personam; term of years absolute; estate in fee simple absolute in possession и др.*), что одновременно влечет различие смысловой нагрузки используемых терминов в категориальном аппарате различных систем права.

Именно этими обстоятельствами, а не догмами или стереотипами мышления объясняется основное внимание и преимущественное обращение диссертанта к законодательству, судебной практике, правовой доктрине государств континентальной Европы, а не к источникам англо-саксонского и американского права.

Применительно к целям и предмету исследования диссертант отрицает допустимость, обоснованность и эффективность использования приемов и методов, разработанных в рамках экономического анализа права (*Law and Economics*) ввиду их идеологически-агитационной основы, искусственно нивелирующей самостоятельность права и правосознания.

---

⁸ Ср.: The commentaries of Sir William Blackstone Knight, on the Law and Constitution of England. Oxford, 2009. P. 269; Kocourek A. Rights in Rem // University of Pennsylvania Law Review. 1920. Vol. 68. № 4. S. 332-336; Akkermans B. The Principle of Numerus Clausus in European Property Law. Oxford, 2008. P. 346.

Научная новизна диссертационного исследования. В диссертации впервые в российской цивилистической науке разработано логически завершенное и комплексное научно-теоретическое учение об абсолютных и относительных субъективных правах, их признаках, принципах и системе, в связи с чем диссертантом выявлен комплекс общих тенденций становления и развития наиболее важных институтов и подотраслей гражданского права в государствах континентальной Европы, доктрина которых составляет теоретическую базу для взаимного учета опыта моделирования и гражданско-правовой регламентации общественных отношений, приобретающего интернациональное значение в условиях правовой интеграции и глобализации правовых систем современности.

Диссертация является первой попыткой комплексного, целостного и системного монографического исследования юридической сущности абсолютных и относительных субъективных прав не только в российском, но и в европейском континентальном частном праве, что позволило диссертанту оценить состояние, значимость, тенденции и перспективы развития научных представлений о содержании абсолютных и относительных субъективных прав и их влияние на гражданско-правовое регулирование и правоприменительную практику, сформулировать ряд новых положений, обобщающих результаты проведенного исследования.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Установлено, что по своему содержанию гражданское правоотношение включает в себя не только субъективные права и обязанности, но и отдельные правомочия, запреты, ограничения, которые не всегда входят в структуру конкретных субъективных гражданских прав и обязанностей, а могут являться самостоятельными элементами гражданского правоотношения. Вместе с тем обосновано, что субъективные гражданские права, правомочия, обязанности, запреты, ограничения возникают, осуществляются и прекращаются в пределах гражданского правоотношения и не существуют вне его, поскольку предопределены юридическими фактами, порождающими возникновение, изменение и прекращение гражданских правоотношений.

2. Установлено, что классификация субъективных гражданских прав осуществляется по родовым (на абсолютные и относительные) и видовым (на вещные, обязательственные, корпоративные, исключительные, личные неимущественные, наследственные) признакам, выполняя при этом различные функции: видовые признаки определяют специфику возникновения/прекращения, осуществления и защиты конкретного вида субъективного гражданского права, а родовые характеризуют общие содержательные особенности для одного или нескольких видов субъективных гражданских прав.

Доказано, что деление субъективных прав на абсолютные и относительные, вещные и обязательственные образует две самостоятельные, различные классификации субъективных гражданских прав, соотношение которых определяется взаимосвязью вида и рода.

Обосновано, что различия между вещными и обязательственными правами как видами субъективных гражданских прав состоят в подотраслевых принципах регулирования и осуществления этих субъективных прав, а не в сформулированных доктриной их отличительных признаках, поскольку такие признаки выражают собой аксиоматические постулаты и их использование при квалификации природы конкретного вида субъективных прав неэффективно.

Доказано, что классификационные признаки субъективного гражданского права не являются критериями выделения разновидностей гражданских правоотношений, поэтому классификации субъективных гражданских прав и правоотношений не совпадают. В связи с этим обосновано, что классификация на вещные и обязательственные, абсолютные и относительные применима только к субъективным правам, а не к правоотношениям.

3. Выявлены и обоснованы существенные различия субъективного права и правомочия. Правомочие может пониматься как отдельный элемент структуры субъективного права в случае совпадения его носителя и субъекта права, либо как отдельное правомочие, осуществляемое субъектом права не в собственном, а в чужом интересе (исполнитель завещания, представитель, лицо, действующее в

чужом интересе без поручения). Из этого следует, что субъективное право и отдельное правомочие должны различаться по признакам самостоятельности их осуществления (на свой страх и риск, своей властью и в своем интересе), оборотоспособности и объему правового содержания, реализуемого в интересах субъекта права.

Указано на недопустимость отождествления категорий «правомочие», характеризующего степень свободы управомоченного субъекта в гражданских правоотношениях, и «полномочие» как главного элемента компетенции органа власти или должностного лица в публичном праве, правовое положение которых определяется исключительно обязанностями перед государством и обществом, но не содержанием субъективных прав, осуществляемых в интересе и свободой волеизъявлений субъекта гражданского права.

4. Доказано, что абсолютные и относительные субъективные права различаются не «по числу обязанных субъектов», а по специфике содержания и целям правового регулирования.

Абсолютность права нельзя отождествлять с его неограниченностью или бессрочностью, поскольку существование неограниченных по объему субъективных прав принципиально невозможно, а бессрочность характеризует только период осуществления конкретного субъективного права безотносительно к его содержанию.

Обосновано, что классификация субъективных прав на абсолютные и относительные права не основана на источниках и эмпирической догме римского права и не связывается с развитием новых общественных отношений в обороте, требующих специального регулирования, а является продуктом эволюции системы континентально-европейского частного права, основанной на выделении общей части и дифференциации правовых институтов при кодификации гражданского законодательства.

5. Обосновано, что абсолютность субъективных гражданских прав характеризуется следующими признаками, которые вытекают из того обстоятельства, что регулирование абсолютных прав осуществляется

преимущественно императивным методом, обеспечивающим единообразие правовых последствий осуществления права и может определяться, в частности, тем, что:

а) непосредственная правовая связь субъекта права с объектом права устанавливается посредством определения объема и содержания правомочий субъекта, меры его юридического господства (власти) над объектом, при этом правовое положение третьих лиц в регулирование абсолютных прав не входит;

б) абсолютные права формируют статус субъекта в статике гражданских правоотношений (вещные права, личные неимущественные права), поскольку абсолютность права предполагает статичное состояние, а не объем (пределы или широту) юридических возможностей управомоченного лица;

в) осуществление абсолютных прав предопределено волей и действиями управомоченного лица и не зависит от поведения других лиц;

г) цели защиты абсолютных прав состоят в сохранении, а при необходимости и в восстановлении указанной правовой связи субъекта права и его объекта;

д) интерес управомоченного лица в абсолютных правах направлен на сохранение уже существующего или восстановление существовавшего до правонарушения правового положения и в этом смысле может характеризоваться пассивной направленностью.

6. Обосновано, что в противоположность абсолютным правам относительные гражданские права возникают и осуществляются в динамике оборота, их возникновение обусловлено юридическими фактами, обосновывающими взаимодействие нескольких субъектов гражданского права (обязательственные, корпоративные, наследственные права), в силу чего могут характеризоваться следующими общими признаками:

а) относительные права характеризует юридическая связанность субъектов права, а не статическое состояние принадлежности объекта права субъекту как в абсолютных правах;

б) возникновение и осуществление относительных прав объективно связаны с интересами субъектов в правовом взаимодействии, правовые формы которого определены нормами права или условиями конкретного договора;

в) для возникновения, осуществления и защиты относительных прав требуется деятельное взаимодействие и совместное волеизъявление нескольких субъектов права, состоящих в статусе обязанных и управомоченных лиц в едином гражданском правоотношении, содержание которого и предопределяет их взаимные права и обязанности;

г) в отличие от прав абсолютных интерес управомоченного субъекта в относительных правах направлен не на сохранение, а на изменение существующего положения в гражданском обороте (возникновение новых, изменение или прекращение существующих гражданских прав);

7. Доказано, что исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации не отвечают характеристикам (признакам) абсолютных прав, поскольку абсолютность исключительных прав господствующим воззрением доктрины связывается только с необходимостью их защиты от противоправной узурпации любыми несвязанными с правообладателями и неправомочными на их осуществление лицами, в то время как диапазон правовой охраны не является определяющим правовую природу охраняемого права.

Отнесению исключительных прав к разновидности абсолютных прав, в частности, препятствует:

– правовой режим множественности лиц на стороне правообладателя, при которой допускается возможность одновременной принадлежности исключительного права на один объект разным лицам, не связанным в своих действиях интересами других правообладателей, каждый из которых является самостоятельным субъектом прав, осуществляющим гражданские права своей волей и в собственном интересе. Это сочетается с тем, что юридические последствия осуществления исключительного права одним правомочным

субъектом могут касаться всех правообладателей и влечь последствия в виде прекращения исключительного права одновременно для всех правообладателей;

– срочность исключительных прав, независимо от намерений правообладателя и его волеизъявления на их прекращение (срок действия исключительных прав, исчерпание исключительных прав);

– регламентированные в императивных нормах законодательства в пользу не связанного с правообладателем неопределенного круга лиц в целях обеспечения общественного прогресса, роста инноваций, поддержки добросовестной конкуренции широкие возможности использования охраняемых исключительным правом результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации (право преждепользования, свободное использование, принудительная лицензия);

– высокая социальная значимость исключительных прав, препятствующая отождествлению их содержания только с возможностью произвольного запрета нарушения или присвоения объекта правовой охраны неправомочными лицами, что подтверждается признанной зарубежным опытом обязанностью истца в споре о защите нарушенного патентного права доказать добросовестное приобретение и использование запатентованных решений в собственной текущей производственной деятельности.

8. Обосновано, что нематериальные блага (жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность, свобода передвижения) в их ненарушенной стадии не являются объектами гражданских правоотношений в силу их принадлежности к естественным правам личности – личным неимущественным правам, защита которых обеспечивается нормами международного права и международными судебными органами непосредственно вне связи с ограничениями, предусмотренными национальным законодательством.

Личные неимущественные права, объектом которых является жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность, свобода передвижения, не могут рассматриваться как вид субъективных гражданских прав ввиду несвязанности их осуществления и защиты с гражданской правосубъектностью и дееспособностью,

что в свою очередь препятствует распространению на них классификаций гражданских прав по родовым и видовым признакам. Предусмотренная российским гражданским законодательством их абсолютная защита направлена на компенсацию причиненного их нарушением вреда, а не на восстановление состояния, предшествовавшего правонарушению.

9. Доказано, что относительность характеризует обязательственные и корпоративные права, но проявляется в них различно.

Относительность в договорном праве проявляется в его регулятивной и охранительной функциях. Регулятивная функция относительности обязательственных прав обеспечивает свободу контрагентов по своему усмотрению реализовывать избранную ими в условиях действия принципа свободы договора цель обязательства, в том числе обеспечивает предсказуемость развития обязательственного правоотношения, включая возможные взаимные притязания и предоставления между сторонами обязательства. Охранительная функция относительности обязательственного правоотношения обеспечивает нераспространение последствий соглашения контрагентов на обязанности других лиц, не являющихся участниками договора.

По своему содержанию и структуре в договорном праве относительные права создают механизм саморегуляции, поскольку ими регулируется правовая связь равноправных и независимых друг от друга субъектов, как правило, сочетающих в своем статусе права и обязанности. Таким образом, это - правовые отношения лиц, объединившихся для изменения положения в правовой среде (обороте) и приобретающих в результате этого взаимодействия качественно новый гражданско-правовой статус, из которого следуют взаимные правомочия и притязания.

В корпоративных правоотношениях проявляется сложная структура взаимосвязи субъективных корпоративных прав, выраженная в наличии двух уровней относительности: между участниками корпорации субъективные корпоративные права равнонаправлены (осуществляются в собственных интересах участников корпорации, которые являются тождественными), а в

отношениях между участниками корпорации и самой корпорацией осуществление и защита корпоративных прав разнонаправлена, поскольку в этом случае интересам участников корреспондируют интересы корпорации, которые при осуществлении корпоративных прав должны быть согласованы и не порождать корпоративных конфликтов. В отношениях между материнскими и дочерними обществами относительность корпоративных прав может быть осложнена сочетанием элементов и признаков равнонаправленности и разнонаправленности, что обусловлено особыми юридическими фактами (корпоративный контроль, взаимное участие в уставных капиталах), а также дополнительными гарантиями, предоставленными в силу закона дочернему обществу.

10. Установлено, что относительность обязательственного правоотношения в современном частном праве не исчерпывается только условиями обязательства, правами и обязанностями его участников, как это было характерно для римского права (в его пандектной трактовке) или для гражданского права эпохи первичного становления капиталистических отношений.

Участие третьих лиц в обязательстве существенно трансформирует структуру и содержание обязательства, поскольку на стадии исполнения обязательства третьи лица рассматриваются как самостоятельные адресаты требований и субъекты, волеизъявление которых изменяет содержание обязательства, первоначально установленного соглашением кредитора и должника.

В сравнении с абсолютными правами содержание относительных прав в большей степени может быть ограничено широкими полномочиями судов при толковании договора, снижении штрафных санкций, взыскании заранее определенных договором убытков, применении «каучуковых» норм (добросовестность, недопустимость обхода закона), предоставлении повышенных гарантий слабой стороне договора, применении положений о действии «обычно предъявляемых требований» к содержанию обязательства и справедливых условиях договора к квалификации правоотношений контрагентов.

11. Доказано, что всеобщая пассивная юридическая обязанность по ненарушению чужих субъективных прав не является гражданско-правовой, поскольку ее соблюдение не влечет возникновения гражданско-правовых последствий, являясь общей публичной регулятивно-охранительной юридической обязанностью, распространяющейся на всех без исключения лиц, подчиненных правопорядку. Обязанность по ненарушению чужих субъективных прав является критерием правомерного поведения, показывает связь государства и подпадающих под его юрисдикцию субъектов права.

Отличия пассивной юридической обязанности по ненарушению чужих прав от гражданско-правовой обязанности состоит в том, что выполнение гражданско-правовой обязанности, как правило, является условием осуществления самого субъективного гражданского права. Напротив, невмешательство в чужое субъективное право является не гражданско-правовой обязанностью, а характеризует правомерность поведения третьих лиц, корреспондирующую не каждому из существующих субъективных прав, а общему абсолютному запрету, установленному нормой объективного права для предотвращения правонарушений.

Обязанность воздержания от нарушений чужих субъективных прав не может быть адресной и связываться с их конкретным видом, не являясь при этом признаком отдельных субъективных прав: правопорядок не может выборочно допускать нарушение одних прав и запрещать нарушение других.

12. Доказано, что закрытый перечень (*numerus clausus*) содержательно характеризует одну из черт императивного метода регулирования гражданских правоотношений, задавая строгие рамки автономии воли субъекта права в осуществлении его гражданской правоспособности, и не является идентифицирующим признаком отдельных видов субъективных гражданских прав, поскольку принцип закрытого перечня не отражает специфики содержания какого бы то ни было субъективного права.

Установлено, что отклонения (отступления) от закрытого перечня субъективных прав, как правило, инициированы правоприменительной

практикой, дающей объективную оценку состоянию и эффективности правового регулирования и направляющей законотворческий процесс по пути преодоления неопределенности в праве. Например, эмфитевзис, суперфиций, преимущественное право покупки, право вещных выдач изначально регулировались договорами и лишь вследствие накопления правоприменительной практикой опыта их использования в обороте были императивно регламентированы законодателем.

Обосновано, что и в вещном, и в обязательственном праве императивное регулирование типов правоотношений является вынужденным вмешательством в свободу усмотрения субъектов частного права – с той лишь разницей, что в вещном или корпоративном праве *numerus clausus* означает категорический императив, имплицитный запрет создания соглашением субъектов непоименованного в законе вида вещного права или вида юридического лица (корпорации), а в обязательственном (договорном) праве императивные предписания правовых норм составляют регулятивный механизм, устанавливающий необходимые условия возникновения и осуществления субъективных гражданских прав (например, обязательные требования к форме сделки, установленные в законе существенные условия договора, система типов и видов договоров).

13. Обоснована несостоятельность научно-теоретического моделирования смешанных типов субъективных гражданских прав (вещно-обязательственных, абсолютно-относительных, квазиабсолютных и др.), которая обусловлена ошибочной квалификацией правоотношений и влечет за собой ошибки в правоприменительной практике и законопроектной работе.

Так, в диссертации обосновано, что квалификация отдельных правомочий арендатора, следующих непосредственно из закона, в качестве вещно-правовых (право следования, возможность вещно-правовой защиты) ошибочна, поскольку наделение законодателем арендатора правом на предъявление виндикационного и негаторного иска к третьим лицам и собственнику-арендодателю являются вынужденным и обусловлено отсутствием в российском законодательстве

развитой системы посессорной и петиторной защиты владения, а сохранение договора аренды в силе в случае смены собственника арендуемой вещи является следствием перемены лиц в обязательстве в силу закона и никаких последствий для арендатора, связанных с осуществлением вещных прав, в действительности порождать не должно.

14. Договорные обязательства не гарантированы от противоправных и недобросовестных действий других лиц - интервентов⁹. Но при этом само договорное обязательство может быть нарушено только его стороной, на которой лежит конкретная гражданско-правовая обязанность, что обусловлено структурой обязательства и гражданско-правовым статусом должника. Действия интервента создают лишь внешний фон и экономическую мотивацию, являясь стимулом для нарушения договорных обязательств их участниками.

Поведение интервента, склоняющего участника договора к нарушению установленных договорных обязанностей, является противоправным, причиняющим вред кредитору и должно пресекаться гражданским правом с помощью деликтной, а не договорной ответственности, поскольку речь идет о противоправных действиях как разновидности деликта за вред, причиненный нарушением обязательственных прав.

15. Доказано, что реституция как общее последствие недействительности сделки не относится ни к общим, ни к специальным способам защиты нарушенных субъективных гражданских прав. Ее применение аналогично последствиям гражданско-правовой ответственности (применение реституции императивно заменяет собой ожидаемые для сторон и третьих лиц правовые последствия недействительной сделки; издержки, понесенные на исполнение недействительной сделки и возврат сторон в первоначальное положение, возмещению не подлежат и составляют дополнительные неблагоприятные последствия от заключения и исполнения недействительной сделки).

---

⁹ Термин является условным, но наглядно характеризует противоправность действия третьего лица, вторгшегося в чужое обязательство, способствуя его нарушению.

Применение реституции не обусловлено нарушением конкретных субъективных прав, а является юридическим последствием факта недействительности сделки *ex lege*, наступление которого по российскому праву не всегда прямо обусловлено волеизъявлением лица, обращающегося за судебной защитой права. При применении реституции действует общая санкция в виде юридической ничтожности волеизъявления участников недействительной сделки, влекущая одновременно и утрату правовых оснований произведенного исполнения по такой сделке.

Реституционное правоотношение сторон при недействительности сделки не является типичным гражданским правоотношением для лиц, действующих своей волей и в своем интересе, добровольно принимающих на себя юридические последствия совершения юридически значимых действий в товарообороте. Его содержание формализовано и унифицировано нормой объективного права, действие которой определяет содержание действий участников недействительной сделки как императивную юридическую обязанность активного типа. Структура и содержание реституционного правоотношения не включает в свой состав субъективное гражданское право и не идентифицирует участника недействительной сделки как правообладателя. Форма реституции как общего последствия недействительности сделки, определенная непосредственно в норме закона, предопределена задачей единообразного соблюдения законности, в чем состоит баланс частных и публичных интересов в правовом регулировании.

16. Показано, что разграничение охранительных и регулятивных правоотношений в гражданском праве не является обоснованным решением, поскольку охранительная функция права неотделима по своей сути от регулятивной.

Нарушение конкретного субъективного гражданского права влечет в силу закона возникновение адресного правомочия на его защиту, которое реализуется в предусмотренных законодательством процессуальных формах на различных стадиях гражданского процесса. Притязание не является разновидностью субъективного гражданского права, а выражает собой волеизъявление

управомоченного лица, реализуемое в границах правовых возможностей и формах, определенных содержанием субъективного права и законодательно установленными гарантиями его защиты в правоприменительной деятельности.

Доказано, что нарушение вещного права как основание вещного иска не влечет за собой возникновение обязательственных правоотношений между субъектом вещного права и правонарушителем и не является трансформацией вещного права в обязательственное, не видоизменяет содержание вещного права, поскольку цели вещного иска состоят в устранении нарушения вещного права, а право на вещный иск реализуется только в процессуальном, но не в материальном гражданском правоотношении.

Теоретическая значимость исследования. В российской науке гражданского права настоящее диссертационное исследование является первым опытом научно-теоретического осмысления и разрешения проблем понятия и соотношения абсолютных и относительных субъективных прав на монографическом уровне. Аналогичных работ (по кругу поставленных проблем и предлагаемых авторских вариантов их решения) в доктрине европейского континентального частного права не имеется. Диссертация представляет собой первое комплексное сравнительно-правовое исследование, развивающее имеющиеся представления о понятии, системе, критериях классификации абсолютных и относительных субъективных гражданских прав. Полученные результаты могут быть использованы при преподавании общего и специальных курсов гражданского права, явиться основой будущих исследований проблематики гражданского правоотношения.

Практическая значимость исследования. О практической востребованности комплексного разрешения проблемы понятия и классификации абсолютных и относительных прав в гражданском праве континентальной Европы объективно может свидетельствовать отсутствие в цивилистической теории разработанного учения об абсолютных и относительных субъективных правах в условиях активного использования этих понятий в законотворческом

процессе, правоприменительной практике и академическом изложении курсов современного гражданского права:

– использование судами критериев абсолютности и относительности для защиты субъективных гражданских прав, влекущее существенные гражданско-правовые последствия (Россия, Франция, Австрия, Германия, Швейцария, Испания, Венесуэла);

– следование законодателя критериям абсолютности и относительности в целях нормативной систематизации субъективных гражданских прав (Австрия, Чехия);

– традиционное, хотя и точечное, обращение в учебной литературе большинства правовых систем континентальной Европы к понятию и содержанию абсолютных и относительных прав.

Опыт правового регулирования показывает, что именно юридическая терминология, взятая в развитии, образует суть исходных юридических понятий, принципов и институтов в догматике права, являясь необходимой предпосылкой становления системы национального законодательства в конкретном правовом порядке¹⁰.

Практическая значимость предпринятого диссертационного исследования обусловлена применимостью полученных результатов (о специфике вещно-правовой защиты, принципах вещных и обязательственных прав, защите обязательственных прав) при совершенствовании законодательства о вещном и обязательственном праве Российской Федерации. Материалы диссертации могут быть использованы также в учебном процессе при чтении общего курса лекций по гражданскому праву, сравнительному правоведению в сфере частного права.

Наряду с теоретическими положениями и выводами и на их основе диссертантом делается ряд предложений о концептуальных направлениях развития российского гражданского законодательства в части регулирования вещных, обязательственных и корпоративных прав, защиты имущественных прав.

---

¹⁰ См. Васильковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. С. 405-407.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена в отделе гражданского законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Основные идеи и положения, развиваемые в диссертационном исследовании, нашли отражение в научных публикациях автора, в выступлениях и докладах на научных конференциях и круглых столах.

Результаты проведенного диссертационного исследования использовались при выполнении государственного задания ИЖиСП, представлении в Правительство Российской Федерации научных отчетов и аналитических записок по проблемам правового регулирования защиты имущественных, в частности вещных и обязательственных, прав (2013, 2014, 2015, 2016 г. «Благоприятная среда для развития предпринимательской деятельности» в соответствии с планами государственного задания ИЖиСП), разработке и анализе в научных отчетах гражданско-правовых средств противодействия коррупции во исполнение подпункта «е» п. 2 Национального плана противодействия коррупции на 2014-2015 г, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 11 апреля 2014 г. № 226, при подготовке материалов к докладу Генерального прокурора РФ о состоянии законности и правопорядка в РФ за 2013 г. (в части конфискации имущества «in rem»), при проведении диссертантом юридической экспертизы законопроектов («О публичных сервитутах»; «О сервитутах»; «О внесении изменений в отдельные законодательные акты» (в части уточнения понятия «единый недвижимый комплекс»); «О государственной регистрации недвижимости»; «О залоге будущего урожая»; «О кадастровой деятельности»; О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополь»; «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования наследственного права)» № 801269-6; «О защите прав юридических лиц при обращении в федеральную собственность для нужд Российской Федерации отдельных видов имущества и о внесении

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и др., согласительных совещаниях по законопроектам в министерствах и ведомствах, Аппарате Правительства РФ.

Основные положения диссертации также получили полное отражение в публикациях диссертанта, неоднократно излагались им в форме научных докладов и выступлений на заседаниях ученого совета ИГиСН, на круглых столах и конференциях, в том числе: в 2014-2017 г.г. в рамках ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся, ежегодной школы-практикума молодых ученых-юристов.

Положения и результаты диссертационного исследования использовались диссертантом при проведении семинарских занятий со студентами по общему курсу гражданского права по программе «бакалавриат» на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, чтении лекций в магистратуре и аспирантуре ИГиСН.

Структура диссертационного исследования. Структура диссертационного исследования обусловлена его предметом, целями и задачами и состоит из введения, трех глав, объединяющих шестнадцать параграфов, заключения, списка использованных сокращений и библиографического списка.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность избранной темы диссертационного исследования, определяется предмет исследования, а также его цели и задачи, анализируется степень разработанности темы, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определяется методологическая основа диссертации, эмпирическая база осуществляемого исследования, формулируются выносимые на защиту теоретические положения, сообщается об апробации полученных результатов исследования, описывается структура диссертационного исследования.

Глава I «Абсолютные субъективные права» состоит из семи параграфов.

§ 1 «Обзор и критика господствующих представлений о специфике абсолютных прав» имеет целью систематизировать высказанные в науке гражданского права континентальной Европы точки зрения относительно понятия и значения абсолютных прав.

Диссертант констатирует, что в доктрине европейского частного права отсутствуют единые подходы к определению абсолютных прав: одни авторы склонны понимать под абсолютностью всеобщую пассивную обязанность, другие - наиболее широкие возможности осуществления права, третьи - возможность предъявления иска к любому лицу, потенциально имеющему возможность совершить посягательство на вещь. Как представляется, в этих интерпретациях речь идет о совершенно различных правовых явлениях: в первом случае характеристика дается не специфике содержания и существа гражданского права, а обязанности третьих лиц, во втором случае речь идет о пределах осуществления права, в третьем - о круге ответчиков по заявляемому требованию, что более подчеркивает процессуальные особенности осуществления права на иск и потенциальное определение участников будущего процесса, чем специфику гражданского права.

Общей чертой этих взглядов следует считать то положение, что в основу предлагаемых интерпретаций абсолютных прав положено их противопоставление правам относительным. Зеркальная картина может быть обнаружена при изучении складывающихся подходов к определению прав относительных.

Вопрос о возможности и необходимости систематизации гражданских прав по критерию абсолютности на уровне гражданского законодательства того или иного правового порядка невозможно решить без выяснения вопроса о понятии и сфере действия абсолютных прав.

Осмысление предпринятого обзора научных воззрений на природу абсолютных прав дает возможность сформулировать несколько общих

положений, предоставляющих основания для того чтобы подвергнуть сомнению обоснованность господствующих точек зрения.

Первое состоит в том, что существо абсолютного права принято раскрывать при помощи особой терминологии, типичным примером которой являются выводы о «пределах действия» права и его «направленности». Однако при этом, как правило, не раскрывается не только значение данных терминов, но и не рассматриваются вопросы «действия» и «направленности» субъективного гражданского права во взаимосвязи с его содержанием и структурой.

Второе определяется тем, что в подавляющем большинстве случаев речь идет о количественных характеристиках обязанных лиц, а не о существовании права, позволяющем идентифицировать его в качестве абсолютного. По сути, речь изначально ведется не о содержательной, а о количественно-структурной характеристике состава субъектов в гражданском правоотношении и субъективном праве. При этом используются весьма расплывчатые, неточные количественные критерии. Получается, что при таком подходе обязанных лиц должно быть больше одного или нескольких, но при этом остается открытым вопрос о критерии определения такой меры: три, четыре, десять, сто? Неясно, когда количественные изменения в числе обязанных лиц должны перерасти в качественные, превратив субъективное право в абсолютное.

Третье основывается на констатации необоснованного сужения объектов абсолютных прав вещами, как и на неприемлемости ограничения пределов сферы действия абсолютных прав предметом вещного права.

Четвертое полагается на недопустимость определения абсолютной природы субъективного права неопределенным свойством неограниченности права, возведения интереса субъекта в осуществлении и защите права в признак абсолютности.

Пятое состоит в недопустимости определения свойств и видов субъективного гражданского права объемом его защиты и кругом потенциальных ответчиков. Это проявляется прежде всего в том, что свойства абсолютности субъективного гражданского права определяются некоторыми учеными

возможностью управомоченного лица предъявить иск о прекращении нарушения права к неограниченному кругу лиц. Думается, это сугубо процессуальный критерий, который к тому же предполагает наличие определенного ответчика в споре о праве гражданском, рассматриваемом по правилам искового производства. Само же право на предъявление иска, его мотивация, определение ответчика составляют сферу правомочий истца. Право истца на то, чтобы его иск был рассмотрен судом и ему были предоставлены в судебном процессе конкретные процессуальные права, относится к публичной сфере. Полагаем, что право на заявление иска составляет право субъекта по отношению к государству, органам правосудия и не оказывает прямого влияния на структуру, систему и определение субъективных гражданских прав.

Шестое состоит в критическом восприятии обоснованности отождествления и взаимозаменяемости деления субъективных прав и правоотношений по критериям абсолютности и относительности.

Автором проанализирована российская судебная практика, исследование которой показало, что правоприменительная деятельность пошла по пути отождествления абсолютности и неограниченности права, что представляется необоснованным, поскольку само принципиальное существование субъективных гражданских прав, осуществляемых вне установленных ограничений и запретов, невозможно. В основу содержания любого субъективного гражданского права заложена мера правовой возможности (власти) субъекта права: безграничность является антиподом права. Однако пределы осуществления права не имеют прямого отношения к абсолютности как содержательной характеристике субъективного права.

Проведенный анализ существующих точек зрения в науке гражданского права подтвердил острую дискуссионность и отсутствие комплексной научной разработки проблематики абсолютных субъективных гражданских прав, а также наличие точечных и противоречащих друг другу попыток правоприменительной практики привнести собственное толкование содержательной основы абсолютных

и относительных субъективных прав, чем в совокупности подтверждается востребованность настоящего диссертационного исследования.

§ 2 «Всеобщая пассивная юридическая обязанность как признак абсолютного права» посвящен проверке состоятельности господствующей точки зрения о том, что круг обязанных лиц в абсолютных правах в отличие от прав относительных является неопределенным и именно этот критерий может рассматриваться как главный признак разграничения абсолютных и относительных прав.

В данной связи установлено, что в отдельных правовых порядках континентального права сформировалось особое учение о субъективном праве как об отношении правообладателя и всех лиц, обязанных уважать его права. В нидерландском праве используют особый термин – *Respectleer*. Во французском праве некоторые авторы характеризуют абсолютные права как всеобщую обязанность по невмешательству в право, адресованную всем без исключения, – *Devoir universel d'abstention de la part des tiers*. В германском праве сформировалась теория *Erga omnes*, предусматривающая в качестве непосредственной черты абсолютных прав возможность исключения любого лица из процесса их осуществления; вследствие этого всеобщая пассивная обязанность понимается как рефлекс господства лица над объектом права.

Диссертантом рассматривается не только вопрос об обоснованности выводов ученых, отстаивающих трактовку субъективного абсолютного права как противостояния управомоченного лица и всех третьих лиц, но и о природе всеобщей негативной юридической обязанности, принципиальной возможности раскрытия сущностных характеристик субъективного гражданского права через специфику и свойства последней. Поддержке выводов господствующего учения, по мнению диссертанта, препятствуют последующие суждения о зависимости субъективного права от всех прочих лиц, которые не являются управомоченными. Этим необоснованно принижается значение понятия субъективного гражданского права и личности его субъекта: получается, что действия управомоченного лица вообще не нуждаются в правовой регламентации. Необоснованность подхода,

раскрывающего существо абсолютного права через противопоставление правообладателя неопределенному кругу лиц, очевидна. В противном случае получается, что в юридическом мире соседствуют субъективные права, которым корреспондирует всеобщая пассивная юридическая обязанность по их ненарушению, и права, которым соответствует лишь обязанность строго определенного круга лиц. Тем самым исключается всеобщая обязанность воздержания от нарушения относительных прав: ведь их существование не связывает поведение третьих лиц. Стало быть, нет необходимости пресекать и предупреждать правонарушения в этой сфере. Логические построения возможного правонарушения и огульное отрицание нарушения относительных прав третьими лицами идут в данном случае впереди правоохранительной функции объективного права, поощряя девиантное поведение, пренебрежение чужим правом, дефекты правосознания.

Субъективное право не может считаться абсолютным либо относительным в зависимости от того, является ли абсолютной корреспондирующая ему обязанность или же от того, определены ли поименно его потенциальные правонарушители. При таком подходе объектом исследования является не содержание права, а субъектно-численный состав вменяемой юридической обязанности и изучение личности правонарушителей, определение вероятности совершения ими будущих правонарушений. В этом случае очевидна подмена предмета исследования и подгонка научных выводов под заранее заданный результат, что является некорректным. При этом наблюдается и смешение акцентов: вместо исследования сущностного содержания субъективного права изучается природа персонифицированной юридической обязанности.

Исследование особенностей возникновения и содержания всеобщей пассивной юридической обязанности показало, что она является не гражданско-правовой обязанностью, а лишь критерием правомерного поведения субъектов права, в то время как вопрос об отношении третьих лиц к существующим субъективным правам не должен считаться краеугольным камнем дихотомии прав на абсолютные и относительные.

§ 3 «Соотношение абсолютных и вещных прав» раскрывает причины и последствия отождествления вещных и абсолютных прав. Показано, что в ретроспективе абсолютность считалась едва ли не единственным и достаточным признаком для отнесения того или иного субъективного права к числу вещных, а в современном правосознании абсолютность права сохранила свою значимость как ведущий признак определения вещности субъективного права. Однако и обязательственные права, существующие между конкретными участниками договорных отношений, возникают и осуществляются непосредственно на основании интересов контрагентов и независимо от любых третьих лиц, в чем при желании может быть усмотрена их непосредственность и абсолютность. Сама по себе возможность защиты интересов от любого третьего лица, чинящего препятствия в осуществлении прав на вещь, полученную участником договора от контрагента, не является достаточным основанием квалификации права как вещного (например, петиторная и possessорная защита владения).

Отождествление вещности и абсолютности отнюдь не бесспорно. В первую очередь неясно, как следует понимать абсолютность применительно к вещным правам. Если же под вещным правом понимать только абсолютность, понятийная сфера которой включает только действие вещного права против всех и каждого, включая обязанность любого воздерживаться от нарушения, то из этого можно сделать два логически верных, но губительных для теории права вывода: 1. вещное право будет восприниматься лишь в стадии его нарушения, ибо акцент делается на праве, существующем в состоянии нарушения, что является нежелательной и нетипичной ситуацией для любого правопорядка; 2. наука гражданского права с неотвратимой неизбежностью прогнозирует нарушение любого вещного права, которое рано или поздно должно быть нарушено – сама эта постановка вопроса противна правосознанию.

Определение абсолютности вещного права через неопределенный состав круга обязанных лиц, противостоящих вещноуправомоченному лицу, не играет определяющей роли в раскрытии специфики вещного права хотя бы потому, что вещное право не направлено непосредственно на возникновение каких-либо

обязательств у третьих лиц, его цели в гражданско-правовом регулировании состоят в определении статуса управомоченного лица при совершении самостоятельных инициативных действий в отношении объекта вещного права.

Диссертантом отрицается принципиальная возможность существования относительных вещных прав, доказывается абсолютный характер права собственности и ограниченных вещных прав как элементов системы вещных прав.

По ходу раскрытия значимости абсолютности в характеристике вещных прав диссертантом обосновывается значимость разграничения вещных и обязательственных прав по специфике регулирования и осуществления субъективных прав, что представляется более эффективным методом и средством исследования в сравнении с сопоставлением установленных в юридической литературе (преимущественно в учебной) признаков вещных и обязательственных прав.

§ 4 «Абсолютные права и принцип *Numerus clausus*» посвящен исследованию понятия и сферы действия закрытого перечня прав во взаимосвязи с проблематикой отдельных видов субъективных гражданских прав.

В большинстве случаев в юридических исследованиях речь идет об абсолютных правах и – что более распространено – об их конкретном виде – правах вещных. Однако, как показано в диссертации, действие принципа закрытого перечня вещными правами никак не ограничивается.

Диссертантом проанализирована сфера применения закрытого перечня субъективных прав, в связи с чем установлено, что их типизация имеет место в различных сферах, выполняя различные функции в регулировании гражданских правоотношений. В договорном праве законодатель принудительно типизирует виды и типы договорных обязательств, в чем усматривается предсказуемость и прозрачность правового регулирования. Вместе с тем применение *numerus clausus* в обязательственном праве нуждается в обосновании собственного значения и локализации. Показано, что в обязательственном праве типизацией можно считать нормативно унифицированные и определенные законодателем общие требования

к совершению сделки, а точнее правовые последствия, связанные с ее совершением, которыми не могут пренебречь или проигнорировать договаривающиеся контрагенты, желающие достигнуть правовых последствий из совершаемых ими юридически значимых действий, понимаемых ими как сделка. Сюда возможно отнести деление договоров на типы и виды в гражданском законодательстве. В данном случае законодателем и правопорядком достигается эффект создания и функционирования «юридического коридора» для поведения контрагентов, действующих в собственном интересе и на свой страх и риск.

Диссертант подвергает сомнению общепризнанные суждения о том, что закрытый перечень вещных прав является показателем свойств только их природы, поскольку исторически именно договорные формы в практике оборота явились мощным стимулом к созданию разветвленной регламентации системы ограниченных вещных прав. С этой точки зрения огульное отрицание возможности возникновения новых видов ограниченных вещных прав означало бы принципиальное отрицание воздействия экономических отношений на правовое регулирование.

Диссертант отрицает значение закрытого перечня как признака вещного права, считая его проявлением метода регулирования гражданских правоотношений. В данной связи диссертантом показана первостепенная значимость изучения содержания самого субъективного права, самостоятельность которого не может отвергаться по формальным основаниям и, в частности, обеспечиваться ссылкой на действие закрытого перечня имущественных прав (показано на примере законодательного регулирования, восприятия доктриной и правоприменительной практикой прав на доменные имена).

Параграф 5 «Абсолютность исключительных прав» имеет цель определить соотношение исключительных и абсолютных прав.

По мере развития гражданских правоотношений и правил их законодательного регулирования исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации приобретают самостоятельность (объект, способы защиты, содержание) и целостность

(обособленное нормативное регулирование от вещных, обязательственных и корпоративных прав).

Характеристика исключительных прав признаками абсолютности связывается только с необходимостью их усиленной защиты от противоправного вмешательства и узурпации третьими лицами при том, что абсолютность исключительных прав в этом случае сводится только к всеобщему запрету их нарушения. Такой подход не дает представления о специфике исключительных прав, затеняя их позитивное содержание и основания их исключительности, что несовместимо с ролью исключительных прав в развитии научно-технического прогресса.

В диссертации выявлена совокупность взаимосвязанных факторов, препятствующая отнесению исключительных прав к группе абсолютных прав. Делается вывод о том, что рассмотрение исключительного права как разновидности абсолютного права в значительной мере способствует злоупотреблениям и нецелевому использованию конструкции исключительных прав их правообладателями, что актуализирует вопрос о самостоятельной квалификации и месте исключительных прав в системе субъективных гражданских прав вне связи с правами абсолютными. В данной связи обосновывается слабость аргументации конструкции «квазиабсолютное право» в российской юридической литературе.

В параграфе 6 «Абсолютность личных неимущественных прав» рассматривается юридическая природа личных неимущественных прав и проявления их абсолютности.

Акцентируется внимание на том, что вопросы юридической природы личных неимущественных прав малоисследованы не только в российской, но и в зарубежной доктрине частного права. Их абсолютность, как правило, связывается только с широкими возможностями их защиты (универсальные способы, потенциальная защита от неопределенного круга лиц), что не дает представлений об их содержательной специфике и месте в системе субъективных прав.

Учитывая различный режим объектов личных неимущественных прав, специфику форм и последствий их осуществления существенно ограничивается возможность выработки универсального подхода к их общему юридическому понятию и структуре, а равно и к их отраслевой принадлежности.

Диссертантом оспаривается обоснованность отнесения права на жизнь телесную и физическую неприкосновенность, свободу передвижения к личным неимущественным правам как виду субъективных гражданских прав вследствие их отнесения к естественным правам, признанным и действующим в соответствии нормами и принципами международного права в любом правопорядке в отношении всех граждан, находящихся под его юрисдикцией.

В параграфе 7 «Абсолютная природа субъективных прав и их абсолютная защита» исследуются вопросы взаимосвязи природы и содержания субъективного права с установленным правопорядком в нормах объективного права механизмами его защиты.

Диссертантом обосновывается, что абсолютный характер защиты субъективного права не может отождествляться с абсолютностью как свойством самого субъективного гражданского права. Возможность защиты против неопределенного круга лиц не является характеристикой субъективного гражданского права, существующего в стадии, предшествующей правонарушению, а показывает только формальные и потенциально возможные пределы (объем) его защиты. Категории абсолютных прав и абсолютной защиты не являются взаимозависимыми, а отождествление содержания субъективного гражданского права и права на его защиту необоснованно.

Потенциальная абстрактная возможность обращения с иском к любому лицу в случае нарушения права не является самостоятельным и устойчивым признаком абсолютности субъективного гражданского права. Важно учитывать, что в отдельных предусмотренных законом случаях абсолютной защитой могут пользоваться и права относительные, что подтверждается опытом законодательного регулирования и правоприменительной практикой.

Отождествление вещной и абсолютной защиты недопустимо. Абсолютная направленность вещного иска не исчерпывает всей специфики вещно-правовой защиты, как и сам вещный иск не должен считаться единственным примером действия абсолютной защиты прав. Следовательно, абсолютное право, абсолютная защита, вещное право, вещно-правовая защита являются самостоятельными категориями, имеют различное значение и сферу действия.

Показано, что действие защиты против всех и каждого влияет на расстановку и определение лиц, потенциально участвующих в деле, но не является критерием перехода и точкой превращения прав вещных в обязательственные, абсолютных в относительные и наоборот. Потенциальная возможность защиты против любого и каждого не является самостоятельным признаком, влияющим на внутренние свойства, гражданско-правовую природу конкретного субъективного гражданского права. Абстрактная возможность предъявления иска к неопределенному кругу лиц до правонарушения обнаруживается и в деликтном иске (ведь ломать и портить чужое имущество не допускается никому).

Абсолютная защита гражданских прав проявляется непосредственно в действии притязания, призванного очертить рубежи охраны субъективного права. Абсолютность защиты может не совпадать с абсолютностью самого права. В противном случае невозможно объяснить случаи защиты относительных прав абсолютным иском. Гипотетически ничто не препятствует законодателю, исходя из общественной и политической значимости охраняемых интересов, расширить пределы защиты, признав тем самым потенциальную возможность нарушения всяким и каждым любого субъективного права.

По своей сути пределы защиты права являются не содержательной, а формальной, косвенной характеристикой подлежащего защите субъективного гражданского права. Абсолютность прав, напротив, характеризует содержательные признаки и свойства субъективного права - непосредственность и независимость управомоченного лица в осуществлении конкретных правомочий, заложенных в содержание субъективного гражданского права.

Глава II «Относительные субъективные гражданские права» состоит из четырех параграфов и посвящена исследованию конкретных форм относительных прав в гражданском праве.

В § 1 **«Обязательства как основной вид относительных субъективных гражданских прав»** исследуется круг вопросов, связанных с критериями определения относительности обязательственных правоотношений.

Констатируется малоизученность относительности как свойства и признака обязательственных правоотношений как в российском, так и в зарубежном гражданском праве.

Диссертантом обосновывается, что относительность обязательственных прав основана на регулятивной (свобода участников обязательства в определении цели и способа исполнения обязательства) и охранительной (нераспространение условий обязательства на неучаствующих в нем в качестве сторон лиц) функциях.

Современные условия оборота и законодательство не позволяют рассматривать обязательство только как частное биполярное правоотношение должника и кредитора, где должник и кредитор наделены в отношении друг друга правами и корреспондирующими им обязанностями. В частности, непосредственно законом и правоприменительной практикой установлены следующие ограничения относительности обязательств:

- необходимость соответствия договорного обязательства закону и публичному порядку;
- активный судебный контроль над договорными условиями и их оценка во взаимосвязи с добросовестностью участников обязательства;
- охраняемые интересы слабой стороны договора, которым правоприменительной практикой гарантирована защита от несправедливых договорных условий.

Участие третьих лиц в обязательстве (исполнение обязательства третьим лицом и договор в пользу третьего лица) осложняет структуру обязательства, видоизменяя смысл и значение его относительности. В частности, российским правом исполнитель неденежного обязательства рассматривается как адресат

требований кредитора, а в зарубежном праве непосредственно законом регламентированы последствия совершаемых третьим лицом при исполнении обязательства действий, которые влияют непосредственно на содержание обязательства, в котором такое третье лицо в качестве стороны не участвовало. В договорных обязательствах, действующих по модели «договор в пользу третьего лица», третье лицо приобретает особый статус и право требования исполнения по договору от должника, не становясь при этом стороной такого договора и не заменяя в нем кредитора (промиссар не вправе передать право на принятие исполнения третьему лицу, новировать обязательство, заменить предмет исполнения, изменить иные условия договорного обязательства), но в случаях, предусмотренных непосредственно законом, промиссар в момент принятия исполнения связывается обязанностью произвести действия по исполнению обязательства, условия которого следуют из договора, стороной которого промиссар не являлся (например, доплата провозной платы). Национальное гражданское законодательство допускает предъявление должником возражений против третьего лица (п. 3 ст. 430 ГК РФ; § 334 BGB) и никак не разграничивает правомочий промиссара и кредитора в отношении производимого должником исполнения, что свидетельствует об усложнении структуры обязательственного правоотношения и особом правовом положении промиссара.

В § 2 «Реституция как основание возникновения относительных прав и правоотношений между участниками недействительной сделки» рассматривается юридическая природа реституции как последствия недействительности сделки в аспекте ее связанности с абсолютными и относительными правами и правоотношениями.

Предпринятый анализ российского и зарубежного законодательства, правовой доктрины и правоприменительной практики показал отсутствие оснований, позволяющих рассматривать реституцию как основание возникновения абсолютных и относительных субъективных гражданских прав и правоотношений, которые было бы возможно классифицировать по видовым и родовым признакам.

В результате исследования диссертант приходит к выводу о необоснованности рассмотрения реституции только как способа защиты гражданских прав. Правовая природа реституции при недействительности сделки и нормативные правила о двусторонней реституции препятствуют бесспорности выводов господствующего учения о квалификации реституции как способа защиты гражданских прав по следующим основаниям. Во-первых, следует указать, что применение реституции не всегда неразрывно связано с инициативой сторон недействительной сделки, что никак не характерно для цивилистического процесса, в котором лицо, обращающееся за судебной защитой своего нарушенного права, невозможно принудить, ограничить в предъявлении иска в силу принципа диспозитивности в цивилистическом процессе. Во-вторых, защита права всегда предполагает конкретное нарушенное право и пострадавшее от действий правонарушителя лицо-ответчика. Но кто же из сторон недействительной сделки будет считаться потерпевшей стороной, заявляющей о применении последствий недействительной сделки как меры защиты, в совершении/исполнении которой участвовали обе стороны, а кто из них примерит на себя маску правонарушителя? В споре о защите права всегда может быть выделен пострадавший правообладатель и правонарушитель, который своими действиями нарушил это право. В случае реституции ничего подобного не наблюдается, поскольку реституция в одинаковой степени воздействует на участников сделки, не выделяя ни одну из ее сторон как правонарушителя и потерпевшего.

При отнесении двусторонней реституции к числу способов защиты гражданских прав возникают сложности не только относительно конкретизации возможных субъективных прав, которые могли бы быть защищены с помощью реституции, но и относительно самой функции защиты нарушенных гражданских прав в условиях применения механизма двусторонней реституции как последствия недействительности сделки. В частности, непонятно, какую роль в данной связи играет реституция. Скорее, руководствуясь буквальным пониманием ст. 166 ГК РФ, можно прийти к выводу, что применение

двусторонней реституции не выполняет функций по защите нарушенных конкретных и индивидуализированных гражданских прав, поскольку реституция: 1) прямо не подтверждает и не удостоверяет конкретное защищаемое право; 2) не восстанавливает конкретного нарушенного субъективного права, 3) не пресекает и не предупреждает нарушение конкретного субъективного права, 4) не позиционирует участников недействительной сделки как потерпевшего и правонарушителя, связанных гражданским правоотношением, из которого следуют конкретные субъективные права и обязанности. Реституция по правовой форме законодательного закрепления является императивной обязанностью для сторон недействительной сделки, а по правовому содержанию - санкцией, установленной правопорядком в общеобязательной норме права. Реституционное правоотношение существует в силу нормы закона, а ее применение исчерпывает содержание и смысл существования реституционного правоотношения.

В § 3 «Корпоративные права как особый вид относительных прав» рассматривается специфика корпоративных прав и их соответствие признакам относительных прав.

Диссертантом обосновывается самостоятельная видовая принадлежность корпоративных прав в системе субъективных гражданских прав и невозможность отождествления корпоративных и обязательственных прав, что подтверждается спецификой установленных корпоративным законодательством дозволений и запретов, особым субъектным составом и предметной обособленностью содержания корпоративных правоотношений, специальными способами защиты и целями осуществления корпоративных прав, особенностями целей метода регулирования корпоративных правоотношений.

По результатам разбора аргументов, высказанных в российской и зарубежной юридической литературе об абсолютной природе корпоративных прав, диссертант приводит доводы в пользу признания корпоративных прав особой разновидностью относительных прав, а также акцентирует внимание на существенных отличиях проявлений относительности в корпоративных и обязательственных правоотношениях.

В § 4 Относительная природа притязания, охранительного субъективного права, «виндикационного правоотношения» диссертантом рассматривается природа притязания, проверяется состоятельность конструкции охранительного субъективного права и правоотношения и производного от них понятия «виндикационного правоотношения».

Диссертантом оспаривается бытующая точка зрения о том, что виндикационное притязание не находится в непосредственном единстве с правом собственности и не существует как его элемент, а выступает по отношению к нему в качестве самостоятельного относительного субъективного права.

Отмечается искусственность и практическая бессмысленность выделения охранительных и регулятивных прав и правоотношений, поскольку охранительная функция неразрывна с регулятивной: установление запретов и ограничений, определение правовых последствий правонарушения и способов защиты – суть и специфика типа правового регулирования.

Нарушенное вещное право в зависимости от типа правонарушения порождает гражданско-правовую обязанность вернуть вещь или прекратить на нее воздействие, но никак не какое-либо особое правоохранительное обязательство. Истец и Ответчик по виндикационному иску связаны только процессуальным правоотношением в ходе судебного разбирательства спора о защите вещного права, их права и обязанности не могут регулироваться и определяться особым виндикационным правоотношением (которое сегодня нередко используется в научном обиходе).

Нарушение конкретного субъективного гражданского права влечет в силу закона возникновение адресного правомочия на его защиту. Притязание не является разновидностью субъективного гражданского права, а выражает собой волеизъявление управомоченного лица, реализуемое в границах правовых возможностей и в формах, определенных содержанием субъективного права и законодательно установленными гарантиями его защиты. Поэтому нарушение вещного права не влечет за собой возникновения обязательственных правоотношений между субъектом вещного права и правонарушителем, не

видоизменяет содержания вещного права, поскольку цели вещного иска состоят в устранении нарушения и восстановлении вещного права в натуре.

В Главе III «Абсолютные и относительные субъективные права: проблемы соотношения» рассматриваются проблемы соотношения абсолютных и относительных субъективных гражданских прав.

В § 1 «Общие законодательные и теоретические основы разграничения абсолютных и относительных прав в российском и зарубежном гражданском праве» диссертант приходит к выводу о зависимости развитости критериев классификации гражданско-правовых институтов и субъективных прав от потребностей и уровня развития имущественного оборота и правосознания.

В источниках римского права и их толковании цивилистической наукой более позднего времени отсутствуют обобщенные принципы частного права, общее понятие родовых и видовых групп субъективных прав, их систематизация по четкому критерию классификации вследствие казуистического менталитета римских юристов, формирования «науки римского права» в более поздние исторические этапы в сравнении с жизнью римской цивилизации.

Обосновано, что правовое регулирование системы и видов субъективных частных прав в национальных законодательствах правопорядков континентальной Европы, научно-теоретическое осмысление их структуры, содержания и критериев классификации в цивилистической доктрине predeterminedены качественным уровнем правосознания и объективными потребностями имущественного оборота в нормативной регламентации общих и специальных положений о них в системе законодательства.

Диссертантом обосновано, что римские *actio in rem* и *actio in personam* не могут рассматриваться современным правом как прототипы вещных и обязательственных прав и способов их защиты.

Проведенный диссертантом анализ показал, что действующее гражданское законодательство в государствах континентальной Европы не отличается единством в решении вопроса о необходимости и правовых средствах

нормативной регламентации абсолютных и относительных прав, что следует связать с историческими этапами правовой регламентации социально-экономических отношений.

В приемах законодательной регламентации субъективных прав в гражданских кодификациях эпохи феодального строя использованы критерии абсолютности как инструмент индивидуализации отдельных видов субъективных прав (Франция, Австрия) в целях демонстрации значимости и уровня защищенности отдельных видов субъективных прав (главным образом, права собственности). В настоящее время это положение корректируется правоприменительной практикой при разрешении конкретных споров, в результате чего соответствующие нормы гражданского законодательства получают ограниченное толкование и фрагментированное значение в правоприменительной практике. В кодификациях гражданского законодательства эпохи капитализма, индустриального общества (Германия, Швейцария) классификация субъективных прав по критериям абсолютности и относительности нормативно не закреплена, но активно используется при разрешении споров судами при анализе правового статуса и границ правомерного поведения правообладателей (Германия, Нидерланды, Россия), а также как правовое средство восполнения пробелов в праве и толкования гражданского законодательства.

В § 2 «Теоретическая концепция абсолютного и относительного субъективного гражданского права» диссертант формулирует собственную научно-теоретическую концепцию абсолютных и относительных субъективных прав.

Выделение абсолютных и относительных прав является результатом классификации субъективных прав по родовым признакам, их различия обусловлены сущностными особенностями и спецификой субъективного права.

Диссертант обосновывает, что в основу разделения абсолютных и относительных прав должны быть положены новые классификационные критерии субъективных прав, в связи с чем предложена новая концепция понимания

абсолютных и относительных прав. В определениях характеристики абсолютных и относительных прав заложена гносеологическая философская основа, где абсолютность права ассоциирована с категориями самодостаточности, а относительность формируется как характеристика правового явления во взаимосвязи с прочими (сторонними) элементами.

Соответственно абсолютные права следует считать непосредственной правовой связью субъекта с объектом права. Абсолютные права формируют статус субъекта в статике гражданских правоотношений (вещные права, отдельные личные неимущественные права). Правовое регулирование абсолютных прав ориентировано на определение объема и содержания правомочий субъекта, меры его юридического господства (власти) над объектом. Абсолютность права предполагает статичное состояние, но никак не объем (пределы или широту) юридических возможностей управомоченного лица, которые иногда понимаются как неограниченность права – едва ли в праве принципиально мыслимо существование неограниченных по содержанию субъективных гражданских прав.

Возникновение и осуществление абсолютных субъективных прав возможно и без участия третьих/других лиц (создание вещи или произведения, переработка вещи, находка, обращение в собственность общедоступных вещей и др.). Цели законодателя, правоприменительной практики и управомоченного лица при защите абсолютных прав состоят в сохранении и восстановлении указанной правовой связи субъекта права с его объектом. Осуществление абсолютных прав предопределяется волей управомоченного лица, не требует и не зависит от поведения третьих лиц. Интерес управомоченного лица в абсолютных правах направлен на сохранение уже существующего или восстановление существовавшего до правонарушения правового положения и в этом смысле может характеризоваться пассивной направленностью. Абсолютность не может отождествляться с его неограниченностью и абстрактностью.

Относительные права являются антагонизмом абсолютных прав и для их осуществления, возникновения и защиты, напротив, требуется деятельное

взаимодействие нескольких субъектов права. Именно невозможность достижения цели собственными силами вынуждает субъектов вступать в кооперационные связи с иными участниками оборота (обязательственные права, наследственные права, корпоративные права). Относительные права характеризует юридическая связанность субъектов права, а не статическое состояние принадлежности объекта права. Возникновение и осуществление относительных прав объективно связаны с интересами субъектов в правовом взаимодействии, правовые формы которого определены нормами права или условиями конкретного договора. В относительных правах субъективное право, конкретные правомочия и обязанности представляют собой смысловое единство, корреспондируя друг другу. Общая закономерность возникновения и осуществления относительных прав связана с реализацией в праве интереса, достижение которого возможно лишь при условии активного взаимодействия с третьими лицами. В отличие от прав абсолютных интерес управомоченного субъекта в относительных правах направлен не на сохранение, а на изменение уже существующего положения в правовой среде (возникновение новых и изменение существующих гражданских прав).

Изложенное позволяет заключить, что абсолютные и относительные субъективные права различаются не «по числу субъектов», а по специфике содержания, целям и методу правового регулирования. Абсолютные и относительные права находятся в состоянии логической альтернативы, в которой промежуточных стадий или переходных форм не дано.

В § 3 «Проблема «смешанных» и промежуточных форм абсолютных и относительных прав» анализируется допустимость и правовые последствия обоснования смешанных форм субъективных прав.

Смешанные формы субъективных прав являются искусственным творением ученых и следствием пробелов в понимании классификации субъективных прав. В данной связи очевидны и методологически важны проблемные вопросы о необходимой «мере совпадения» индивидуальных признаков, свойственных разным группам субъективных прав, в конкретном

субъективном праве, что позволило бы отнести последнее к смешанному типу, считая его самостоятельной разновидностью субъективных прав. Кроме того, следует учесть и негативные последствия внедрения гибридных форм права (смешанное законодательное регулирование, теоретическая разработка), которые оборачиваются в правовой действительности реальной угрозой размывания критериев классификации субъективных прав, что чревато утратой целостности принципов построения и регулирования системы частного права. Оценок этих негативных факторов в юридической литературе не дается, что не может свидетельствовать в пользу аргументов сторонников смешанных форм права и правоотношений. Взгляды на природу смешанных типов субъективных прав в юридической литературе существенно разнятся, страдают очевидной неопределенностью и недосказанностью.

Моделирование промежуточных пространств, смешанных переходных типов субъективных гражданских прав, поиск и обоснование самостоятельности их переходных стадий таят в себе существенную опасность для науки гражданского права по следующим причинам.

Во-первых, признание таковых способствует разрушению целостности уже принятых классификаций, системы признаков того или иного вида субъективных гражданских прав, и, наконец, принципиальной необходимости и важности разграничения правовых понятий по общепринятым критериям, которые, как правило, не оспариваются новаторами.

Во-вторых, утверждение в науке смешанных типов субъективных прав влечет за собой необходимость выделения присущих именно им квалифицирующих признаков, которые должны отвечать критериям индивидуальности конструируемого нового типа субъективных прав, но не определяться отчасти признаками одного из уже известных типов, отчасти-другого, даже в том случае, если совпадение признаков того и другого породило мысль о существовании самостоятельного переходного типа субъективных гражданских прав. Требуется и определение устойчивых качественных свойств, присущих переходному или смешанному типу.

В-третьих, логическая конструкция смешанной формы или типа, как и переходной правовой модели, в большинстве случаев носит временный характер, влекущий отпадение или стирание несвойственных этому виду признаков, что предполагает итоговое формирование правового явления в границах определенного типа (вида).

В-четвертых, использование конструкций смешанных или переходных типов предполагает выяснение необходимости и целесообразности моделирования правового понятия именно как промежуточного с одновременным положительным разрешением вопроса о невозможности его классификации в иной системе координат с использованием иных критериев систематизации.

Появление концепции квазиабсолютных прав приносит существенные и необратимые изменения в систему права, последствия которых не подвергались тщательному анализу разработчиками. Очевидно, что научное обоснование состоятельности конструкции квазиабсолютных прав предполагает не только последующие четкие заключения о ее месте в научно-понятийном аппарате цивилистики, но и о структуре и универсальных признаках разрабатываемого понятия, выводу которых должно предшествовать детальное и всестороннее знание исходной научной категории – абсолютных прав. Проектируемая конструкция квазиабсолютных прав (буквально – как бы абсолютных прав), претендуя на общее значение, выходящее за пределы исключительных прав, допускает неточное определение предметной области своего действия, внутренней структуры, не содержит ясных критериев отграничения от смежных категорий: абсолютных, исключительных, относительных прав и т.д. Ее признание не исключает, а создает реальные риски появления парных, пока неразработанных и не описанных в литературе категорий квазиотносительных, квазивещных, квазиобязательственных, квазиисключительных и, наконец, квазигражданских прав.

В § 4 «Абсолютная защита относительных прав: реальность, механизм, влияние на классификацию субъективных прав» исследуются причины существования абсолютной защиты гражданских прав.

Учитывая, что обязательства не изолированы в гражданском обороте, диссертант допускает принципиальную возможность негативного влияния третьего лица на поведение должника, которое в итоге может привести к нарушению обязательственных прав и ущемлению интересов кредитора. Вмешательство интервента в чужое обязательство является особым и самостоятельным противоправным действием, от совершения которого нормами законодательства целесообразно максимально оградить кредитора, сохраняющего возможность привлечения к ответственности интервента в случае совершения последним действий, повлекших нарушение договорных обязательств должником. Действия интервента нуждаются в самостоятельной юридической квалификации. Нарушить договор может лишь его сторона, связанная конкретной гражданско-правовой обязанностью, что лишней раз подтверждает строго относительный характер обязательственных прав. Любые действия интервента находятся вне структуры обязательства и установленного им комплекса взаимозависимых прав и обязанностей кредитора и должника, а национальное законодательство определяет формы возможной юридической ответственности интервента в случае создания им условия нарушения обязательства.

Противоправные действия интервента нуждаются в самостоятельной и автономной квалификации в качестве правонарушения и не могут рассматриваться как пример гражданско-правового «соучастия» в нарушении чужих обязательственных прав: интервент не является техническим сопричинителем вреда кредитору. Невозможно вести речь о смешанной вине интервента и нарушившего обязательство должника, поскольку действия каждого из них подлежат самостоятельной юридической квалификации и должны рассматриваться и оцениваться отдельно: действия должника и интервента совершены разными субъектами права, несущими самостоятельную ответственность за совершенные действия, которые, как предполагается, совершены по их воле и в их личном интересе.

Мотивы и намеренное поведение интервента должны быть квалифицированы как особая разновидность гражданско-правового деликта,

совершение которого может явиться основанием к заявлению соответствующего требования к интервенту о возмещении вреда.

Сделанные выводы о самостоятельной гражданско-правовой ответственности интервента находят свое подтверждение и в национальном зарубежном гражданском праве.

В § 5 «Соотношение абсолютных прав и правоотношений» диссертантом рассматриваются вопросы соотношения классификаций абсолютных прав и правоотношений. Показано, что идея о целесообразности разграничения абсолютных прав и правоотношений возникла в советском праве как противовес традициям буржуазного права при тех условиях, что развернутое теоретическое обоснование понятия абсолютного правоотношения в литературе не встречается.

Показано, что вопрос о соотношении абсолютного права и абсолютного правоотношения крайне запутан самими исследователями, неучитывающими, что право и правоотношение - категории разнопорядковые, имеющие качественные, принципиальные и неустранимые различия.

Разграничение правовых отношений по типу связи субъектов не отвечает общим целям и задачам классификации и систематики правоотношений, поскольку, с одной стороны, оно не способствует уяснению особенностей их содержания, отраслевой принадлежности, регулятивной или охранительной направленности, с другой - не дает никаких практически значимых результатов, к числу которых возможно было бы отнести определение круга правовых норм, подлежащих применению к возникновению, изменению и прекращению конкретных прав и обязанностей, взаимосвязь которых определена содержанием соответствующего правоотношения. Едва ли такую дифференциацию следует рассматривать как ценность общетеоретической и отраслевой классификации правоотношений: ведь при этом не учитываются ни специфика регулируемых отношений, ни особенности методов правового регулирования.

В сфере частноправового регулирования любые субъективные гражданские права возникают в рамках гражданского правоотношения.

Конструкция гражданского правоотношения является общей формой выражения регулируемых предметом и методом гражданского права общественных отношений, охватывая не только субъективные права и корреспондирующие им обязанности, но и регламентированные законодательством дозволения, запреты и ограничения, правомочия, которые не всегда укладываются в конструкцию субъективного права и корреспондирующей ему обязанности.

Признаки абсолютности и относительности идентифицируют только субъективные гражданские права, а не виды гражданских правоотношений и не иные отдельные элементы гражданского правоотношения. Специфика субъективного гражданского права (вещного, обязательственного, интеллектуального, абсолютного и т.д.) не предопределяет необходимости моделирования соответствующего ему по названию видового правоотношения.

В **Заключении** диссертантом предложено собственное понимание гражданского правоотношения и субъективного гражданского права, критерии различия субъективного права и правоотношения.

Раздел **Библиография** включает литературные источники, использованные автором при подготовке диссертации: перечень монографий, диссертаций, научных статей на русском языке – 346 наименования; перечень монографий, диссертаций, научных статей на иностранных языках – 235 наименований.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации

В рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Развитие учения о вещных правах: рецензия на монографию И.А. Емелькиной «Система ограниченных вещных прав на земельный участок» // Вестник гражданского права. 2013. № 2. С. 240-258. (1 п.л.);

2. Всеобщая пассивная юридическая обязанность как признак абсолютного права // Законодательство. 2013. № 8. С. 16-20. (0,5 п.л.);

3. Абсолютность как признак вещных прав в законодательстве и доктрине некоторых государств континентальной Европы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 3. С. 421-429. (06, пл.);

4. Относительная юридическая природа вещного притязания, охранительного субъективного права, виндикационного правоотношения // Законодательство. 2013. № 10. С. 10-21. (0,8 п.л.);

5. Абсолютность права общей собственности и природа прав собственников // Адвокат. 2013. № 9. С. 33-38. (0,6 п.л.);

6. Вещные и абсолютные права: единство и противоположность // Вестник гражданского права. 2013. № 5. С. 4-64.(3,9 п.л.);

7. Абсолютные и вещные права по гражданскому праву Венгрии: доктрина и законодательство // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 1. С. 56-57. (0,2 п.л.);

8. Признаки вещных и абсолютных прав в праве аренды: проблемы вещной и абсолютной квалификации права аренды // Законодательство. 2014. № 3. С. 18-23. (0,9 п.л.);

9. Негаторный иск в российском и зарубежном праве // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 84-101. (0, 7 п.л.);

10. Признаки вещного права в науке гражданского права: первооснова и трудности интерпретации // Законодательство 2014. № 8. С. 25-36. (1 п.л.);

11. Numerus clausus и субъективные права: понятие, значение, взаимосвязь // Вестник гражданского права. 2014. № 2. С. 100-147. (2 п.л.);
12. Закрытый перечень как признак абсолютных прав в доктрине и законодательстве некоторых государств Европы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 2. С. 203-225. (1,8 п.л.);
13. Вещное право: традиции, новеллы, тенденции развития // Журнал российского права. 2014 № 9. С. 76-92. (1,1 п.л.);
14. Принципы вещного и обязательственного права: возможные критерии отличия видов субъективных прав // Законодательство. 2015. № 10. С. 12-22. (1 п.л.);
15. Презумпция государственной собственности на объекты недвижимости и последствия ее применения в судебной практике // Адвокат. 2014 № 12. С. 20-27. (0,9 п.л.);
16. Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия, соотношение с принятой классификацией субъективных прав // Вестник гражданского права. 2015. № 1. С. 8-44. (2, 5 п.л.);
17. Абсолютные и относительные субъективные гражданские права: проблемы теории // Журнал российского права. 2016. № 2 С. 55-62. (0,65 п.л.);
18. Право суда на снижение взыскиваемой неустойки: правовая природа, условия и область практического применения в современных условиях // Адвокат 2015 № 4. С. 18-29. (1,1 п.л.);
19. Корпоративные правоотношения: содержание и специфика регулирования // Журнал российского права. 2015. № 6. С. 52-67. (1 п.л.);
20. Обеспечительная собственность или институт залогового приобретения по гражданскому праву Эстонии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 4. С. 584-589. (1,8 п.л.);
21. Реституционные правоотношения: понятие, содержание, проблемы классификации // Юрист. 2015. № 19. С. 32-39. (0,75 п.л.);

22. Защита интересов слабой стороны договора: исключение из принципа относительности договорных обязательств как проявление тенденции социализации в развитии современного гражданского законодательства // Адвокат. 2015 № 10. С. 14-21. (0, 85 п.л.);

23. Некоторые тенденции развития российского гражданского законодательства: влияние доктрины и зарубежного опыта // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 5. С. 870-876. (1,1 п.л.).

24. Субъективные публичные права: к разработке вопроса о понятии и системе // Адвокат. 2016. № 7. С. 20-36. (1,7 п.л.);

25. Правовая природа иска об освобождении имущества от ареста // Адвокат. 2014. №10. С.31-38. (1 п.л.);

26. Прогноз развития имущественных отношений: правопонимание, гражданское законодательство // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 1. С.84-89.(0, 6 п.л.);

27. Экономический анализ права и его место в цивилистической методологии // Право. № 2-2017. С.4-17. (1 п.л.).

Индивидуальные монографии:

1. Абсолютные и относительные субъективные права: общее учение и проблемы науки гражданского права. Сравнительно-правовое исследование. М., Юриспруденция, 2015. 565С. (35,5 п.л.).

2. Исковая защита вещных прав в российском и зарубежном гражданском праве: актуальные проблемы. М., Инфотропик-медиа, 2015. 325С. (21,25 п.л.).

3. Владение и владельческая защита в гражданском праве государств континентальной Европы. М., Статут, 2012. 221С. (11 п.л.).

Коллективные монографии:

1. БРИКС Контурь многополярного мира. М., 2015 / под ред. академика РАН Хабриевой Т.Я. // Глава 10. Общие тенденции и предпосылки к гармонизации гражданского законодательства стран БРИКС. С. 163-167. (0,3 п.л.).

2. Право и экономическая деятельность: современные вызовы. М., 2015 / под ред. Габова А.В. // Глава 8. Ответственность субъектов экономической деятельности. § 2 Судебное полномочие на снижение взыскиваемой неустойки. С. 263-273. (0,5 п.л.).

3. Научные концепции развития российского законодательства М., 2015 / под ред. Хабриевой Т.Я., Тихомирова Ю.А. // Глава 6. Развитие гражданского законодательства. С. 105-120. (1 п.л.).

4. Юридические лица в российском гражданском праве / под ред. А.В. Габова. М., 2015. Т. 2. Виды юридических лиц в российском законодательстве // Глава 4. § 1. Общие положения о корпорациях С. 209-218. (0,8 п.л.), § 2. Права и обязанности участников корпорации С. 218-238. (0,8 п.л.), § 3. Место корпоративного права в системе гражданского права С. 238-246. (0,8 п.л.).

5. Разрешительная система в Российской Федерации. Научно-практическое пособие / под ред. А.Ф. Ноздрачева М., 2015 // Глава 9. Разрешения в сфере имущественного оборота. § 2. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним С. 540-557. (0, 75 п.л.).

6. Конкуренция в рыночной экономике: пределы свободы и ограничений под ред. А.В. Габова М., 2016 // Глава 1. Конкуренция – цель и предмет правового регулирования § 2. Субъективное право на здоровую конкурентную среду и свободу добросовестной конкуренции С. 80-88. (0, 6 п.л.).

7. Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты под ред. Р.Л. Хачатурова. М., 2017 // Глава 18. Гражданское законодательство: некоторые проблемы развития (в соавторстве с О.В. Гутниковым) С. 380-403. (1, 3 п.л.).

Брошюры:

1. Actio in rem и actio in personam: исторические основы, методы интерполяции и экстраполяции современной науки гражданского права. М., Инфотропик-медиа. 2013. 39С.(2 п.л.).

2. Исковая защита вещных прав на объекты недвижимости в гражданском праве России и правовых порядках германского типа: актуальные проблемы. М., Инфотропик-медиа. 2013. 42С. (2,1 п.л.).